

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИТОВСКОЙ ССР

Экз. № 2

отдел

АГЕНТУРНОЕ СООБЩЕНИЕ

Источником агента "Леонас" 19771
Литовское дело №

Принял Синкявичюс

(должность, звание, фамилия оперработника)

19-22 января 1982 г.

В июне 1981 года источник получил приглашение из Франции, из Парижа от Вайцекаускаса Эдварса, проживающего в пригороде Парижа Нантере. 15 октября 1981 г. источник получил заграничный паспорт и другие нужные документы, а 26 октября визу в французском посольстве и 27 октября на самолете рейсом "Москва-Париж" вылетел в Париж, где находился до 16 декабря 1981 года.

После прибытия в Париж, источник поехал в советское посольство, чтобы сразу отметить о прибытии, однако сотрудники сказали, что отметку делают в консульате на проспекте Данес, дали карточку с телефонами, посоветовали как проехать. Источник попросил разрешения позвонить по телефону в Париж. Позвонил Вайцекаускасу, не было ответа. Тогда позвонил Пятрасу Климасу, ответила его жена Жюба. (Адрес и номер телефона получил от И. Жибукуркуса, врача клинической больницы, перед поездкой). Она обрадовалась приезду, дала точный адрес, расказала как ехать автобусом или метро на улицу Одино, где они жили. Улица куда источник приехал, была неподалеку от "Инвалидов", могилы Наполеона, до центра пешком 15 минут. Очень удобное место туристу. Источник со своими вещами поднялся на 5 этаж, где жил Климас. Встретила его жена Жюба, т.к. сам Климас был на работе. Первые минуты прошли нормально, хотя раньше никогда источник Климасов не видел, лишь говорил с ними по телефону. Вся обстановка, картины, гравюры, карты говорили, что хозяева этой квартиры живут прошлым Литвы. Показалось, что Пятрас Климас страстный коллекционер, коллекционирует старые литовские книги, гравюры, карты. Имеет большую библиотеку. В комнате сразу почувствовалась атмосфера

г.б. Емчагадзе Р.А.

С сообщением ознакомилась р.б. Синкявичюс (и др.) г.б. Синкявичюс указала, что источник в работе с аг. Синкявичюс вместе со франц. переводчиком.

инф. бермачис 3.А.А.
4.8.80 1977

основ
19.10.80

на учет

УЛГ

245

старой буржуазной Литвы, - на стенах карты XVI в., гербы, трехцветные знамя буржуазной Литвы, почти вся литература, которая печатается на Западе о теперешней и буржуазной Литве. Общая обстановка довольно скромная, обыкновенная мебель, люстры и т.д.

Климене Жиба встретила источника очень вежливо, но сдержанно, на какой-то дистанции. Вначале спросила как проживают в Вильнюсе её знакомые Жибуркус, его жена, дети, что нового в Литве, какой урожай, потом перешла к более интимным вопросам: кем источник работает, учится, какая цель приезда в Париж, как намерен работать, провести время, кого из литовцев, проживающих в Париже, знает и т.д. Она угостила чаем, бутербродами, потом показала комнату, в которой источнику предстояло жить. Комната маленькая, но удобная, с книжным шкафом и кроватью. В квартире везде идеальная чистота и порядок. На кухне много разных машин, которые моют посуду, обрабатывают овощи, др. продукты. Жиба все показала, как какими вещами пользоваться. Первая встреча, как показалось, была хорошей. Потом она рассказала, как пройти в центр Парижа, попасть на Елисейские поля, в Лувр. Она попросила, чтобы источник вернулся бы вечером, если, конечно, желает, приблизительно к 8 часам, т.к. вечером придет писатель И. Мерас, эмигрировавший из Литвы, придет художник Ж. Микшис. Источник поблагодарил за приглашение и отправился в город.

Вечером 27 октября приблизительно в 8 часов источник вернулся к Климасам, на Здесь уже было много людей: сам Пятрас Климас, писатель И. Мерас, художник Ж. Микшис. После знакомства Пятрас Климас вел себя очень сдержанно и обдуманно. Особенно был рад писатель И. Мерас, который все время говорил, все время спрашивал, что нового в Вильнюсе, как поживают литовские писатели, какие новые книги написали, какое новое руководство Союза писателей Литвы. Весь вечер он сидел рядом и все время спрашивал, даже не давая времени спросить его. Чувствовалось, что эти вопросы его действительно глубоко интересуют. Он спросил, как работает новый министр культуры, просил передать привет Л. Шепетису, с которым он говорил перед отъездом в Израиль. Он интересовался, как там в Литве, его книги изъяты или нет. Узнав, что нет, он обрадовался. Но когда источник неосторожно спросил его, не желает ли он возвратиться в Литву, И. Мерас даже рассердился. Он встал, при

всех показал свои старые ботинки, старые джинсы, сказав, что так одетый он в Литве и в огород стыдился бы выйти, а теперь он едет на международный съезд, что в Литве он жил намного лучше, но вернулся бы только мертвым. "Вы не знаете, какое сладкое слово "свобода", - процитировал он название известного фильма. Потом опять начались вопросы, которые продолжались до самого его отхода. И. Мерас ехал на международный съезд во Франкфурте "40 лет еврейской трагедии", где должен был выступить с докладом "О положении евреев во время прошедшей войны в Литве".

Пятрас Климас показался как очень образованный человек, очень хорошо знающий историю Литвы, имеющий большую библиотеку об истории Литвы. В разговорах был очень сдержан, часто задавал коварные, двусмысленные вопросы, как, например, такой: "почему в Литве все время не хватает квартир, хотя строят намного больше, чем при независимой Литве?". И имеет свой стандартный ответ: "Потому, что много приезжают русские, которые получают квартиры вне очереди, а литовцы стоят в очередях десятилетиями". Другой длинный разговор коснулся выезда из Советского Союза, свободы туристического и постоянного выезда. Постепенно речь дошла и до приезда источника. Климас спросил, почему так легко было получено разрешение поехать к малознакомым людям, если из Советского Союза даже на похороны матери не разрешают выехать, не говоря о поездке к родственникам. Климасу было объяснено, что насчет других поездок источник не знает, а насчет своей, то у него есть определенная цель - атрибуция французских портретов. Над этой темой он уже давно работает и старается довести дело до конца. Тогда Климас попросил показать фотографии этих портретов. Они его заинтересовали. Портретами заинтересовался и Е. Микшис, он их внимательно осмотрел, в конце концов сказал, что это могут быть неизвестные портреты, но могут быть известные, просто сфотографированные как предмет для поездки, т.к. вариантов очень много. Это, конечно, было своего рода оскорбление. Микшис недвусмысленно сказал, что может цель приезда в Париж есть не только портреты, а что-нибудь другое. Этой репликой был доволен и Климас. Тогда источник сказал, что другой какой -нибудь цели у него нет, что он много потратил сил и энергии, пока получил разрешение, что он очень благодарен, что его здесь встретили, но он вряд ли сможет ответить на все политические вопросы, потому, что является не политиком, а художником, что многие поли-

344

тические вопросы здесь выглядят иначе, чем там, в Литве, что здесь одни проблемы, там другие, что у нас много недостатков и это не скрывается. Такой ответ не понравился Климасу. Он сказал, что это стандартные ответы, но его они заинтересовали. Больше всего их удовлетворило, когда источник, поблагодарив за ужин и теплый прием, сказал, что в политике он мало разбирается и попросил в будущем политическую тематику обходить. Тем не менее, этой тематики обойти так и не удалось, ни во время следующей, ни при других беседах потом.

Пятрас Климас родился и рос за границей. Независимая Литва ему была святыней. И в следующие дни, хотя и не желая трогать политических вопросов, беседы с ним всегда превращались в политическую дискуссию.

Первые две недели источник старался познакомиться с Парижем. Он обошел музеи, выставочные залы, старался почувствовать дух Парижа.

Хозяева Пятрас Климас и его жена Лиса вели себя сдержанно, аккуратно, хорошо. Они старались ухаживать, готовили пищу. Чтобы показать им, что политические темы источнику неприятны, что он старается их избегать, источник придумал простейшую методику - показывать это явно. Он утром вставал раньше и уходил в город, а вечером возвращался, когда хозяева уже спали. Это несколько обило с толка Пятраса Климаса, и после нескольких таких дней он уже сам начал ждать источника до 11 часов, чтобы побеседовать, поговорить. Но каждый раз, вначале вроде бы нормальный разговор, в конце приобретал конфликтный, реакционный характер. У Климаса была масса очень серьезных вопросов. Его интересовала даже характеристика советских выборов. Спорить с ним было трудно, тем более, что у Климаса очень много конкретного исторического материала, книг, брошюр, собранных копий документов, на которые он постоянно ссылался. Он даже имеет фотокопию Пакта Молотова-Рибентропа, оригинал которого хранится в делах Нюрнбергского процесса, карты, которые якобы имели советские офицеры еще до 1940 года, где Литва, Латвия и Эстония уже были указаны как часть Советского Союза. Как тогда объяснить т.н. "свободное" присоединение Литвы к России? - спрашивал он.

В его архиве имеются факсимиле многих важных правительственных документов 1940 года - распоряжений Снечкус, приказы Палецки-

са, Гедвиласа. Такие документы, как о вывозе людей в Сибирь, конфискации имущества, подобранные им односторонне, действительно на мышление человека.

Источник притворялся, что ничего подобного он не знает и всё это очень интересно. Он сказал, что теперешняя жизнь в Литве нормальная, интенсивная, творческая. П. Климас сразу стопроцентно отрицал это: "Литва голодает, магазины пусты, очереди громадные, вся литовская продукция вывозится в Россию" и т.д. Он убеждал, что если Литва была бы "независимой", жизнь её была бы намного выше, как, например, в Финляндии, Дании.

Заметив, что такие дискуссии источнику очень неприятны, П. Климас и дальше настойчиво "промывал мозги", как он сам говорил.

Под конец недели, убедившись, что источник действительно избегает политических дискуссий, что его больше интересуют вопросы искусства, Климас и жена Жибя стали более доверчивыми. Политическая тематика часто переходила на бытовые вопросы. Климас начал рассказывать о себе, о поездках в США, о знакомстве и свадьбе с женой Жибой, показал ордена отца-дипломата Пятраса Климаса, рассказал об отдельных эпизодах его жизни. Он как о тайне рассказал, что один его приятель пробрался в Академию наук Литовской ССР, сфотографировал последние рукописи и воспоминания отца и все 36 фотоплёнок прислал во Францию в упакованном виде как новые плёнки. Так была отредактирована и в Америке издана книга Климаса "Из многих воспоминаний". Узнать фамилию фотографа не удалось.

Пятрас Климас и жена Жибя охотно рассказывают о своих поездках во многие государства. Климас показал свой паспорт, полный виз - на земном шаре трудно найти место, где он не был бы. И одно, чем он гордится, что паспорт еще буржуазной Литвы. Западные капиталистические страны мол не признают Литвы в составе Советского Союза, там она считается как "оккупированная" страна, поэтому старые документы действительны, а в некоторых государствах Запада даже есть дипломатический состав буржуазной Литвы.

В один из вечеров пришлось встретиться с таким послом Литвы в Мадриде. Это молодой, очень реакционный человек. На источника весь вечер смотрел как на советского шпиона, не скрывая этого, весь вечер речь была оскорбительная. Он рассказывал, как год тому назад побывал в Литве. Он Литвы в жизни никогда не видел,

мечтал о Литве как о бoге, но когда приехал - "Литвы не нашел". Только в одном университете ему удалось услышать литовский язык. Их, как туристов, отвезли на завод топливной аппаратуры. Он был потрясен - все названия, лозунги, надписи - только на русском языке. В магазинах, троллейбусах, такси говорят только на русском языке. В костелах молитва на польском. Где же тогда Литва? Их везли в какой-то район и по дороге испортилась машина. Пока машину ремонтировали, они хотели поговорить с местными жителями, сфотографироваться с ними, сфотографировать деревню, но увидев это руководитель экскурсии строго запретил любые разговоры, прогнал местных людей, запретил все фотографировать. Он настойчиво спрашивал: "Почему это так, почему нельзя фотографировать, почему используется только русский язык?" Ответа ни на один вопрос экскурсовод якобы не сумел дать. Одно, что сделал экскурсовод, то мадридский амбасадор был вызван в Центральный Комитет и А.Синкявичюс ему сказал: "Вы распространяете враждебные мысли. Мы поможем Вам избавиться от этого". И через несколько дней попросили его уехать, хотя срок экскурсии еще не истек.

По мнению П.Климаса, русификация теперь имеет другой характер, проводится более искусственно, чем при царе во время запрета письменности. Тогда все делалось открыто, все было ясно, теперь то же самое, но все осуществляется скрытно. Вроде печатаются литовские книги, но очень малым тиражом, зато на русском большим. Вроде есть литовские народные ансамбли, но одна треть репертуара - русская, вторая треть - других стран и только последняя треть - литовская, да к тому же коммунистическая. Во время литовских дней культуры во Франции в 1979 году только 1/5 репертуара составили литовские мотивы. Даже в конце концерта были показаны слова "Дружба" на русском и французском языках, на литовском было забыто. И вообще, как прибавила Жибя Климене - русификация в стране ужасна - все руководящие посты заняты русскими, в милиции, в прокуратуре работают почти одни русские. Коренные литовцы чистят сапоги русским и убирают помещения, улицы. В общем Литву жлет прусская судьба.

И.Климас, и Климене в беседах неоднократно подчеркивали, что их цель жизни - независимая Литва. Когда источник спросил, как в теперешних условиях можно этого добиться, Климас ответил, что добиться, конечно, теперь этого невозможно, но в Литве должны

жить литовцы не продажные, а сознательные, как в каждой врагом оккупированной стране. Литовцы должны занимать все руководящие места во всех звеньях государственного аппарата и не допустить русских, добиться, чтобы печаталось больше книг об истории Литвы, чтобы эти книги были "действительно" исторические, а не "винегрет", какими они являются теперь. Он советовал создать такую обстановку, чтобы русские чувствовали себя чужими. Надписи везде должны быть только литовские, говорить только на литовском языке. Молодежь должна знать историю Литвы не по советским книгам, а по старым, историческим. Литовская национальная гордость должна гореть в каждом литовце. Конечно, Литва опять будет свободной, независимой - ни одна империя в мире, построенная на насилии, долго не продержалась. Литве будут нужны свои, хорошие кадры. Он против открытой борьбы, против открытых высказываний. Все должно быть в подполье - и празднование исторических дат, воспоминание жизни деятелей. Во всех действиях советской власти он видит бесконечную русификацию. Русские отметили юбилей Петра I-го - были полны газеты, ставились фильмы, спектакли. Во время юбилея Витаутаса были даже в тот день закрыты музеи. Где равенство? Улицы названы именами князей, а попробуй дома держать портрет какого князя - сразу вылетишь с работы, как националист. Такие и многие вопросы в эти вечера ставились после ужина. Информация у Климаса очень точная, он точно знает где, в каких газетах и книгах это печаталось, как и что произошло. В один из таких вечеров зашел разговор о фашизме и коммунизме, и Климас старался доказать, что коммунизм намного страшнее фашизма. Он привел цифры сколько пострадало от Сталина, сколько от Гитлера, что теперешний советский государственный аппарат все взял от гестапо, единственного его учителя. Теперь сделано в Сов. Союзе так, что один другому перегрызут горло. В той грязи еще есть люди, которые понимают это, но одни боятся, другие ждут, третьи воюют, но не знают методику и попадают в тюрьму. В Советском Союзе все поставлено на обмане - правительство подписывает все международные акты, соглашения, но ни одного не придерживается. Пример этому - Хельсинкский договор. "И как правительство такого государства, на которое смотрит весь мир, такое нечестное, такое грязное?" - спрашивает он. И сам отвечает: "Потому, что оно держится на штыках. Но на штыках ни одно государство долго не продержалось, как Рим, Македония, Бонапарт, Гитлер". Он уверен, что на мелкие куски распадется все и довольно скоро.

Спорить с такими людьми как Климас бесполезно, философия формировалась десятилетиями и изменить что-нибудь почти невозможно. Во всем он видит только плохое, плохие названия в книге "Вильнюсская архитектура", односторонняя наша периодика и еще многое. Но и он был взволнован, когда источник приподнес в подарок гравюру "Жальгирис" с портретом Витаутаса и сказал, что эта гравюра на II Таллинской триенале получила золотую медаль. Ему это было так неожиданно и ново, что на некоторое время растерялся, не поверил.

У Климаса источник прожил только одну неделю, потом переехал к Мишелю Хирле. С Климасом распрощались очень сердечно. Как уже упоминалось, при прощании ему была подарена гравюра Б. Жилите "Жальгирис", книги "Вильнюсская архитектура", об университете, керамические медали о Вильнюсе и др. Пятрас Климас и его жена были очень довольны. Уже при прощании не чувствовалось такого напряжения и недоверия, как вначале. И Пятрас, и Жоба просили, чтобы источник зашел, часто звонил не забывая их. И действительно, не успел источник переселиться к Мишелю, как раздались звонки. Звонил и Пятрас, и Жоба, приглашая на общий ужин, на "французский" обед и т.д. Отказаться было неудобно. Таких встреч было немало, 2-3 раза в неделю. На вечерах были одни хозяева, иногда приезжала сестра Климаса Эгле. Эгле не скрывала своего отношения к советскому строю, образу жизни - она цинически настроена против него. На встречах она несколько раз рассказывала о своих приключениях в Вильнюсе, прожила несколько дней и не слышала литовского языка. В троллейбусе говорили только по-русски, на почте ей ответили тоже на русском языке, в конце концов в гостинице администратор её грубо выругал, что она не знает русского языка. Она пыталась выяснить, что здесь - Литва или Россия? Ей якобы ответили, что Литвы давным-давно нет, что есть Русское государство, а кому это не нравится, пускай убирается вон. Будто так ей перевели. И каждая реплика была антисоветской. Она рассказала много антисоветских анекдотов. Позже Эгле стала более сговорчивой. Она попросила, чтобы источник при возможности, весной, проезжая мимо, посмотрел в Каунасе могилу их отца Климаса, чтобы дал сторожу несколько рублей, чтобы тот присмотрел её, а она за это пришлет нужную книгу или что нужное другое.

Особенно очень часто пришлось встречаться с Климасами

212

в последние дни пребывания в Париже. Климене Жиса, хоть и очень не имела времени, т.к. готовилась к поездке на праздник в Калифорнию к матери, ходила с источником в национальную библиотеку, всё переводила, искала нужные альбомы, делала ксерокопии, много помогала в атрибуции портретов. После этого Пятрас, возможно поверив источнику о цели его приезда в Париж, стал смотреть на источника по-другому - почти каждый вечер приглашал на общий ужин, делился воспоминаниями, показал интересные данные, где есть в мире какие места, улицы, горы, реки с названием "Литва". Быть у них каждый вечер источник не имел возможности потому, что ужин у Климасов был около 20 часов вечера, а библиотека в центре Помпиду, где в последнее время работал источник, была открыта до 22³⁰ часов. В конце пребывания Климас даже предложил, чтобы источник вернулся жить к нему. Когда возник вопрос о продлении пребывания в Париже источника, сама Климене Жиса ехала в Полицейскую префектуру, чтобы продлить визу.

В тот самый день, когда источник летел в Москву, Климас с женой летели в США. Вечером распрощались очень мило. Пятрас и Жиса очень просили, чтобы написал письмо, прощаясь подарили сувениры сыну, источнику. Климас преподнес книгу своего отца "Из моих воспоминаний", магнитофонные кассеты и другие сувениры Жибуркусам, Свердловасу.

Семья Климасов живет на среднем уровне, но охотно принимает всех приезжающих, кормит их, предоставляет ночлег, уделяет много внимания. Первой скрипкой здесь играет Пятрас Климас. Он всегда больше говорит, он задает вопросы, он отвечает. Зарплата у него видимо немалая, потому и на столе кое-что есть и, как он говорит, большие средства тратит на коллекционирование старых периодических вещей. Он показал свои графические коллекции, гравюры об одежде старой Литвы и исторических деятелях. Показал все свои карты, которые наверное не имеют и Вильнюсские музеи, XV-XVI веков, показал свой "Золотой" клад - золотые царские монеты - пятирублевые, десятирублевые, которых было около 20 шт. Где работает Пятрас Климас точно источнику так и не удалось узнать. В какой-то конторе, но дозвониться туда из города невозможно, надо через коммутатор. Рабочие часы у его нормальные, с 9⁰⁰ утра, до 18⁰⁰ вечера.

В деятельности литовской эмиграции Пятрас Климас принимает активное участие больше^с враждебной нам стороны. Он собирает периодические материалы. Источнику удалось увидеть новое издание "Истории Литвы" Шапоки. Климас говорил, что он приложил немало усилий, чтобы эта книга вышла. Климас источнику показал несколько томов "Хроники", перепечатанных на хорошей бумаге, переплетенных. Он также показал несколько номеров и непереплетенной "Хроники", непереплетенные, на машинке отпечатанные, номера "Витиса". Он имеет и переплетенные комплекты "Витиса". Указанные номера "Хроники" - отпечатанные отдельные через копиру, Климас принес из другой комнаты, видимо из своей спальни. (Все комнаты источнику в квартире были доступны, так как не закрывались на ключ, кроме спальни, и будучи один дома, источник смотрел их. Указанных номеров "Хроники", изданных в Литве, еще не перепечатанных типографским способом, источник нигде не видел в других комнатах, осматривая их). Поэтому источник делает вывод, что к их перепечатыванию типографским способом Климас имеет отношение, хотя об этом он не говорил.

Из общения с Климасом источник понял, что он близко дружит с Капочюсом, проживающим в США, который имеет собственную типографию. Климас не скрывал это и, говоря о Капочюсе, подчеркивал, что тот принимает активное участие в деятельности реакционной эмиграции.

Кроме перепечатанных типографским способом номеров (3-4) "Хроники", выпущенной в 1980 г., Климас показывал также несколько номеров "Витиса", "Аушра". Показывая их, он говорил, что в таком виде они издаются в Литве. Он спрашивал, пришлось ли источнику их видеть, читать в Литве.

Указанные издания "Хроники", "Витис" и "Аушра" являются книжками около 30-40 листов, отпечатанными на пишущей машинке через копиру, на формате примерно пол-листа стандартной бумаги.

Как, каким образом все эти подпольные издания попадают к Климасу, он не говорил, а на замечания источника, что они приходят на Запад видимо трудным путем, Климас распространяться не стал и сказал, что хотя с трудом, но попадают.

Климас очень хитрый человек, во всех разговорах он раскрыл только половину своих карт и ни одной до конца. Свою деятельность он намерен расширять и расширяет обдуманно, не спеша, уверенно. Обдуманно он вытягивает в свои сети нужных ему людей. С источником он вел красивую игру, красивую беседу (с его точки зрения), стараясь нажать на болевые национальные вопросы. Как выяснилось, в его сети попал Арунас Свердиолас, Лаймонас Тапинас. Арунасу Свердиоласу Климас передал привести в Литву несколько магнитофонных кассет, т.к. он якобы пересылает ему старые литовские открытки, другой печатный материал, поэтому они переписываются, дружат. Он говорил, что Арунас жил у него, что он замечательный парень. О Лаймонасе Тапинасе Климас похвалился: "он тоже настоящий литовский парень, с головой" (по его словам). Как тайну Климас сказал, что он помог достать и перевезти Тапинасу Литовскую энциклопедию, изданную в США, около 30 томов.

Отношение к Советской власти у Климаса враждебное. Он не раз повторял: "Пусть Литва будет любой, советской, капиталистической, но только без русских". Когда источник предложил ему приехать в Литву, Климас не стесняясь сказал: "Выгоните русских и я пешком приду". Подчеркивая это, он до сих пор держит и пользуется старым буржуазным литовским паспортом. Его жена Жибя тоже занимает похожую враждебную позицию. Она нигде не работает. Из её слов она много пишет разных статей в западную литовскую печать (в газету "Пасаулио летувис" и журнал "Акирачяй"). Статьи она подписывает псевдонимами или только инициалами. Она показала несколько таких статей источнику, где писалось о старых открытках, о визите С.Кудирки в Париж. Она по происхождению литовка из Америки, из Флориды, её отец - Дуба - выходец из Литвы. Чем занимаются её родители узнать не удалось, но что они живут богато, присылают ей деньги на пальто, ботинки - об этом она сама заговорила. В каждый год на новогодние праздники, на рождество они едут в США. Жибя Климене была в Литве в качестве туриста несколько лет тому назад. Об этом она всем говорит только отрицательно: что Литва оккупирована, люди голодают и тому подобное. Роль её в обществе, в эмиграции не такая весомая, как мужа Пятраса, но тоже чувствуется. О каких-либо родственниках в Литве ни она, ни Пятрас

255

Климас не говорили. Знакомых, по их словам, в Литве очень много, почти все, которые приезжают в Париж, побывают у них. Очень много Климас и Жиба говорили о каком-то Каняускасе, как об умном, воспитанном человеке, но политических углов не коснулись. Жибуркис, Гибавичюс и другие, приезжавшие в Париж, тоже жили у них.

Жиба Климене проявляла очень большую заинтересованность в выезде на постоянное жительство из СССР. Она несколько раз просила, чтобы ей разъяснили эти вопросы - как человек, желающий поехать за границу или совсем уехать из Советского Союза не имеет возможности сделать это. Чувствовалось, что это её самое больное место. У неё имеются собранные все данные, все варианты, какими люди бежали из СССР (женились, просили политического убежища, шли через границу, оставались и т.д.). Жиба проявила очень большую заинтересованность к Л. Лочерису. Она вначале спросила, знаком ли источник с этим художником. Потом спрашивала буквально всё; как он живет, на какие средства, какое положение в его семье, в обществе, как на это смотрят друзья. Оказывается, Жиба о Лочерисе знает очень много, все его споры в Союзе художников, в ОБИР'е. Она высмеивала работу ОБИР'а - "никаких письменных ответов, отказать словом". Как сказала Жиба и как еще добавил Пятрас: "Конечно, Лочерис уедет, если не в этом, то в следующем, в десятом году, если уж он на это решился, но только сперва его сделают инвалидом, нетрудоспособным, шизофреником. На это в Советском Союзе очень способны". Кому это нужно, источник не узнал, но Жиба очень просила, каким-нибудь путем передать (переслать) ей фотографию Лочериса, одну или с семьей.

В одно из воскресенья Климас пригласил источник поехать с ним на обед к их приятелю Бачкису Ричардасу, живущему с семьей в пригороде Парижа. В условленное время проехали через весь Париж к Бачкисам. В очень красивом месте, на горе, стоял новый двухэтажный дом. Встретили очень приятно - жена Живиле, сам Ричардас, четверо детей. Ричардас с удовольствием показал свой новый дом, все этажи, уголки, планировку, рассказал о хлопотах по строительству, сказал, что еще имеет большие долги, но главное, хоть под конец жизни будет иметь свою крышу над

головой. Он не скрывал, что одному построить такой дом было бы не под силу, что много помог его брат, живущий в Ватикане и работающий секретарем при папе Иоанне-Павле II. Он не был в Литве, политическая жизнь в Литве его мало интересует, хватает своих хлопот. Обеденный стол был богат. Разговоры все время касались мелких бытовых проблем, женские вопросы.

Ричардас Бачкис поддерживает очень хорошие связи со своим братом в Ватикане. Он рассказал, что собирается на рождество с семьей поехать в Ватикан на своей машине через Францию, Швейцарию, Италию. Под конец встречи он с Климасом сели у карты, чтобы точнее определить дорогу и при обсуждении пути каждый момент и Климас, и Ричардас не жалели фраз о преимуществе таких поездок во Францию и вообще в Западной Европе. Климас несколько раз спросил источника: мог бы советский человек вот так сесть и поехать, куда ему вздумается. И сам отвечал, - сможет только через 150 лет.

Прощаясь источник подарил Бачкисам одну гравюру художника Д.Тарабильдене, которая всем очень понравилась. Она изображала литовских женщин на полевых работах. Ричардас дал свой телефон, просил звонить. Была назначена новая встреча, но источник на ней уже не присутствовал, уехал из Парижа. Прощаясь Ричардас сказал, что если источник когда-нибудь посетит Рим, сможет остановиться у его брата в Ватикане.

Самая большая мечта Живиле Бачкене - привезти своих детей в Литву, чтобы они услышали настоящий литовский язык. Они и теперь говорят по-литовски, но с ужасным французским акцентом.

По инициативе Климасов, источник 8 ноября побывал на собрании парижских литовцев. Воскресным утром источник, Пятрас и Жюба Климасы сели в их машину, украшенную трехцветным флагом буржуазной Литвы и отправились на собрание. Вначале все собралось в одной школьной кашпеле. Священник Пятрошюс держал мессу. Это было очень скромное помещение, с одной картиной, столом вместо алтаря, собралось мало, около 30 человек. После молитвы Пятрошюс попросил всех не расходиться, а пойти к нему на общий обед. Источник с группой литовцев отправился к Пятрошюсу. Священник живет на ул. Сант Паул, на втором этаже, очень скромно. На стенах несколько очень абстрактных картин, небольшая библиотека, старое пианино и диван. При входе в коридоре

ехал жить в Польшу, там жил некоторое время, а теперь переехал в Париж, попросил политическое убежище и устроился жить. Почему получил политубежище? Оказывается таким людям французское правительство на некоторое время выделяет квартиру, дает материальную помощь.

Распростившись с Петрошюсом и другими гостями приёма, источник ушёл вместе с Баяновичюсом. Он оказался довольно любезным парнем, много говорил о себе, что в Литве ему не везло, в Польше тоже, что здесь, в Париже, он надеется пробыть. Прожив несколько месяцев, он уже имеет приглашение на ревью пантомимы в ФРГ. Он сказал, что к ревью он очень серьезно готовится, т.к. от этого первого публичного выступления очень много зависит. Вместе проехали в метро несколько остановок, распрощались у Оперного театра, договорились через пару дней опять здесь встретиться.

Как договорились, на другой день он пришел, но с опозданием, извиняясь, что у него туго со временем, что он писал музыку для своего будущего ревью. Вместе пошли пообедать в одну дешевую столовую. Разговор у стола шел в основном о будущем концерте, от него много зависело для него. З. Баяновичюс чувствовалось, собирается "взять жизнь за горло" любой ценой, любыми усилиями продержаться и добиться признания в Париже. Зашел разговор о Литве, о друзьях, о связях. Он сказал, что о Литве, о Родине он думает, родственников у него там не осталось, друзей, как таковых, не имел. В жизни, по его словам, везде одни и те же законы - человек везде идет вверх через другого человека. Так лучше идти здесь, в центре Мира, чем в захолустном Вильнюсе. Он сказал, что лично знает одну лаборантку в Национальной библиотеке, ей позвонил, она обещала помочь источнику. Договорились начать работу в библиотеке через неделю. В тот же день Баяновичюс позвонил другой знакомой Лиде Аппините. Она как раз была свободна и договорились в тот самый день встретиться. Распрощавшись с З. Баяновичюсом, договорились через несколько дней встретиться и пойти в Национальную библиотеку. Но он в условленный день на встречу не пришел, и как удалось установить позже, должен был срочно поехать в Германию в связи со своим концертом.

За несколько встреч З. Баяновичюс оставил довольно неровное

213

впечатление: то он старался быть привязанным, старался помочь, уже на второй день нашей встречи был переводчиком в библиотеке Мазарини, то чувствовался страх, неуверенность в его поведении. Он знал, что жизнь ему, как и сам говорил "предстоит трудная". Источник спросил: "Если была бы возможность, вернулся ли бы опять в Литву?" Баявичюс только посмеялся, вначале это принял за шутку, потом как оскорбление. Он сказал, что пойдет на любую работу, подметать улицы или метро, но в Советский Союз "всемирный Гулаг 20-го века" он не вернется никогда. Он спросил источника, как мог возникнуть даже такой вопрос. Неужели источнику еще не хочется самому остаться здесь, где человек чувствует себя человеком, где не надо ничего и никого бояться, где можно держать все, писать все, ехать куда угодно, читать что угодно, где за каждым твоим шагом не следит, как это делается в Советском Союзе.

Источник больше слушал слова Баявичюса - отрицать его мысли, критиковать, предоставить что-либо другое ему было бы бесполезно - возник бы спор, поссорились бы и разошлись. Теперь с Баявичюсом остались "хорошими друзьями".

В это время источник жил уже у другого знакомого-художника керамика Мишеля Хирле, с которым познакомился в 1979 году в Париже. Переехал к Мишелю 3 ноября. В тот день, когда позвонил Мишелю, у него были гости - его приятель и какой-то художник с женой. Это довольно любезные люди, вежливые как и множество французов. Его коллега начал рассказывать свои впечатления - он недавно вернулся из поездки по Советскому Союзу и ему очень многое не понравилось. Он столкнулся с грубыми милиционерами, в таможне его раздели догола. Он был настолько оскорблен, что вернувшись во Францию сразу вышел из Компартии, членом которой был ранее. Он много говорил о грубости советских властей, о нехватке продуктов и невежливости людей. Слушать его было очень неприятно, притом еще в первый день, у Мишеля. Тот художник, фамилию узнать не удалось, сказал, что больше в жизни в Советский Союз не поедет, хоть и золотые горы ему давали бы.

Сам Мишель Хирле и его жена Андреа эти слова принимали довольно сдержанно, посмеялись. Источнику была показана отдельная комната на втором этаже, дан ключ, показаны другие бытовые

условия. Позднее, во время многочисленных встреч, бесед, во время общего завтрака или ужина, выяснилось много хорошего об этом художнике. Он более трезво старается видеть мир, более понимать. Сам Мишель с женой Андреа уже три раза посещал Советский Союз, побывал в Москве, Средней Азии, он намерен еще раз приехать в СССР. У него много друзей из Союза, он ведет переписку, у него жил наш фотограф Казенас Зинас. На прошлых выборах президента республики он голосовал за Ж.Марше, его жена вообще воздержалась. Жить в этой семье было очень приятно, постоянная забота, чистота. Оба хозяева были заняты своей работой, но всегда находили время, чтобы оказать источнику помощь. Мишель несколько раз звонил в разные библиотеки по вопросу атрибуции, сам пошел с фотографиями работ в Лувр, помог источнику попасть в национальную библиотеку, переводил нужные тексты. Когда была нужна какая-либо помощь, всегда бросал свои дела и старался помочь. У них свой дом, своя мастерская, своя машина. В беседе Мишель и Андреа в большинстве интересовались вопросами искусства в нашей стране, реализацией керамических работ, салонами, покупателями. Источник прожил у Хирле полтора месяца.

Во время пребывания у Мишеля Хирле, источнику несколько раз звонил священник Пятрошюс, желая встретиться, поговорить. В Один день договорились встретиться у Петрошюса, в его доме. Он ждал, встретил и принял очень мило, угостил вином. Он сказал, что живет один, без хозяйки, что питается в ресторане и пригласил вместе пообедать. В небольшом, но уютном ресторане беседа завязалась не сразу. Пятрошюс спросил источника, коммунист ли он, верит ли бога? Потом вопрос коснулся положения религии в Литве. Он имеет все номера "Хроники". Судя по материалам "Хроники", положение в Литве ему кажется ужасным: детей преследуют, верующих не принимают на работу, старые священники умирают, новых не готовят, а если и принимают в семинарию, то уже завербованных. Такая вербовка очень опасна. По его словам, епископ Повилонис тоже завербован. Вообще, во время обеда, Пятрошюс был очень откровенным. Когда он узнал, что источник лично хорошо знает епископа Ю.Степонавичюса, он начал спрашивать о некоторых моментах его жизни; как познакомился, где, когда. Он попросил, если будет возможность, сказать Степо-

навичюсу, что здесь его знают, о нем пишут, за него борются. Пятрошюс интересовался, как посещаются костелы, много ли молодежи, много ли людей слушают передачи Ватикана. Кончая беседу, Пятрошюс сказал, что если источник захочет кое-что написать интересное, то надо письмо бросить не в Вильнюсе, а в Москве, Риге и написать обратный не свой, а любой другой адрес.

В тот день с Петрошюсом распрощались, как близкие люди. Он, чувствовалось, встречей остался доволен и выразил желание еще встретиться. Следующая встреча произошла через неделю, в его доме. Был послеобеденный час, он предлагал пойти в ресторан, но источник отказался. Беседа у Петрошюса имела похожий характер, как и в первый раз, но теперь он больше коснулся истории Литвы. Коснувшись вопросов теперешней "фальсификации" истории, Пятрошюс попросил в архивах Литвы найти материалы о каком-то Зенонасе Махвиче, жившем в начале XIX века неподалеку от Сведасай, в имении Дробчюнай. Он готовит какую-то книгу из истории Литвы, а тот человек вошел в правительство Литвы, сформированное Наполеоном.

Прощаясь, Пятрошюс подарил книгу "Новый завет", просил звонить, еще зайти, а если не встретимся, передать приветы Жибурксам (сын генерала), Тапину (кинокритик) и обязательно написать письмо. Это было последняя встреча с Петрошюсом.

Это умный, сдержанный, очень тактичный человек, умеет следить за партнером. Петрошюс является председателем Общества литовцев в Париже, которое объединяет около 500 литовцев. Общество зарегистрировано в Профектуре полиции. Какие конкретные планы общества источнику узнать не удалось, но что общество имеет свою программу - это ясно. Было торжественно отмечено 550-летие литовского князя Витаутаса, ежегодно отмечается 16 февраля, другие праздники (из общих разговоров). Сам Петрошюс не чувствует ведущей фигурой в обществе - ему не хватает энергии. В обществе первыми скрипками играют Климас, Микшис. С первого взгляда это тихий, спокойный человек. О родственниках в Литве он не говорил, конкретное свое отношение к Советской Литве он тоже не показал. Беседуя второй раз в его доме, он хотел передать какое-то письмо епископу Ю.Степонавичюсу, но источник отказался взять его.

Беседуя выяснилось, что Пятрошюс является послушным инстру-

ментом некого епископа Антанаса, конкретно фамилии ни разу не назвал. Он сожалел, что источник приехал теперь, а не пару месяцев раньше, он помог бы встретиться тогда с этим епископом. С первого взгляда кажется, что Пятрошюса волнует только религиозное положение в Литве. В действительности он интересуется всеми вопросами, настроен враждебно, обрабатывает во враждебном духе других неопытных эмигрантов, как Апините, Баниявичюса. С Лядой Апините источнику пришлось встретиться много раз. Это очень "зеленое" в политическом мире существо, мало разбирающееся в политике и довольно нетвердая. Она молодая малоопытная. Как проговорился З.Баниявичюс, она живет у какого-то старого режиссера как любовница, надеется на его помощь, сама принимает участие в каких-то спектаклях (пантомимах). Действительно ли это так, трудно сказать, но по одежде, ресурсам чувствовалось, что жизнь её не балует. С большим удовольствием она хотела бы посетить Литву, но главная беда, по её словам, это деньги на дорогу. Она тоже является членом общества литовцев в Париже, но на сборища не ходит. Все письма она просила писать по адресу Пятрошюсу - он передаст ей. О своих ближайших планах она не говорила, но чувствовалось, что главное для неё - это материальные проблемы, работа. Политической деятельностью она не занимается, что чувствовалось из разговора, дискуссий о призвании актера и др. Она охотно идет на знакомство, с другой стороны с ней легко общаться, она откровенная, наивная.

Людя Апините оказалась очень любезной помощницей в работе. Источник с ней встретился каких 10 раз - вместе шли к искусствоведам в Лувр, в библиотеку "_____", библиотеку декоративного искусства, музей В.Гюго и другие. Там она помогала перевести сложные тексты. Это очень образованная девушка, хорошо знающая английский и французский язык, очень много помогала в атрибуции картин. Основную часть встреч провели в занятиях, хотя пару раз пришлось посидеть в кафе, в ресторане, поговорить. Людя приехала из Австралии, где родилась, где живут её родители. Она в университете кончила французский язык, но увлекается пантомимой, теперь присоединилась к какой-то группе, готовит концерт-спектакль. Имела свободное время каждый день после обеда. Как она жила - богато или нет, трудно сказать, но ни разу не пригласила домой на кофе. От

Михеля узнал, что похожие гости живут очень трудно, часто под чардаком имеют кровать и все. Действительно так ли она жила трудно сказать. Но Люда настроена была оптимистично, она молодая, красивая, она надеется, что её найдут и она получит хорошую роль, станет звездой. "Если уж не пробиться в Париже, в другом месте не стоит! Хоть и капля славы, но в Париже". Она еще наивная и мало настойчивая, добиться чего-нибудь будет трудно. Сколько понял из общего разговора, родители ей помогают, присылают деньги. В политике разбирается слабо, ей все равно фашизм или социализм, лишь бы дали цену. Недавно была в Литве, ей все очень понравилось - теперь живет мечтой опять приехать в Литву. Она, из разговора, положительно отражает нашу жизнь, действительность, об этом говорит объективно. Работая в библиотеке с источником чувствовалось, что она отдает много сил, старается помочь, всех спрашивала, искала, звонила, нашла и познакомила источника с искусствоведами Дж.Ластик, И.Гедми и др. Позже репетиции мешали ей уделить больше времени источнику, но каждый свободный час она старалась помочь, надеясь, что ей еще "когда-нибудь удастся приехать в Литву, что источник побудет её гидом".

С Микшисом источнику пришлось встретиться только один раз - в первый день у Климаса. Впечатление он оставил плохое - уж очень враждебно настроен. Осматривая источником подаренные Климасу медали, гравюры, книги он и в них находил только недосадки, ошибки, неправду. Один раз Климас показал источнику книгу Жибунтаса Микшиса. Она вся была в приписках, добавлениях. Вообще в эмиграции он популярен, его все знают. Он считается гражданином США, хотя и живет в Париже. Микшис считается графиком, но в Париже его имя, как художника, мало известно. Он занимается переводами, перевел с литовского на французский язык роман И.Мераса "Сриптиз"; притом работает еще преподавателем в институте восточной культуры, где преподает литовский язык. Он переписывается со многими литовскими художниками, особенно дружит с Калинаускасом и Гибавичюсом, с Жибукурсом. О его родственниках в Литве источнику ничего узнать не удалось. Он настроен враждебно. Рассказал, как к нему каждый день прино-

сят литовскую периодику - журналы, газеты и он, не читая этого, все бросает в мусорный ящик. Он по этому поводу писал жалобы даже в Москву, но наплыв печати продолжается.

Встретить Герман-Криштопайтите источнику не удалось. По телефону четыре раза состоялись разговоры с ней, но она все не имела времени встретиться. Вначале она на неделю уехала в Страсбург, где живет её муж, и назначила встречу на другой день. В назначенный день она сказала, что потерпела аварию со своей машиной и что очень занята ремонтом, просила отложить встречу на неопределенное время. В третий и четвертый разы было то же самое - "она не имела свободного времени", "делала карьеру". Сколько удалось о ней узнать из разговора с другими литовцами, они о ней отзывались положительно. Это упрямая, сильная девушка, она своего добьется. Она с большой настойчивостью пробивается, хотя в Париже это очень трудно. Она звонит всем менеджерам, уговаривает, предлагает свои услуги, просит и так без конца и стада. У Клима-сов говорили, что её первый дебют в телевидении был успешным, что её фотография украсила еженедельный парижский журнал, о ней узнали, она много кому понравилась, но это ей и стоило - она провела целый месяц в Нине с каким-то менеджером. Действительно ли это так, проверить не удалось. Её усилия более закрытого плана. В деятельности общества литовцев Криштопайтите почти не принимает участия, она не приходит в указанное время на общий обед, мало интересуется деятельностью общества, избегает встреч с людьми из Литвы. Такое поведение трудно пояснить: не имеет лишних средств, помещения, времени или просто не хочет связываться, чтобы это не помешало её карьере. Как сказала Лиса Климене на сборища литовцев она уже давным давно не ходит. О семейном положении удалось узнать мало. Муж живет в Страсбурге, работает, играет и очень её любит, верит ей, а она ради своей карьеры позволяет себе очень многое. Как говорили на сборище у Петрушюса, она как актриса - среднего класса, но своим упрямством добьется многого, в будущем чего хорошего может стать известной. Теперь ей большая преграда - акцент, но она думает преодолеть и его. В Литве она имеет родственников и конечно придет их навестить, как уже приезжала несколько раз.

Встретиться с Вайцекаускасом источнику не удалось - во

265
время его пребывания в Париже Вайцекаускасу

Потом, под конец пребывания, удалось пару раз поговорить с ним по телефону, поблагодарить за приглашение. Через два года он намерен приехать в Литву, здесь он имеет родственников.

Источнику пришлось познакомиться с несколькими искусствоведами в Лувре, в Национальной библиотеке, но эти знакомства имели чисто профессиональный характер. В Лувре он познакомился ближе с Джоржем Ластиком, который в свою очередь за помощь просил узнать все о картине Н.Ларжильера, находящейся в Москве в музее им. Пушкина. В Национальной библиотеке ближе познакомился с главным консерватором (фамилию не назвала). Все они просили писать, поддерживать связь.

В первое пребывание источника в Париже все вопросы раскрыть было очень трудно, также как и проникнуть в их планы и намерения. Что большинство членов общества связаны с периодической работой, собирают информацию для периодики, очевидно, но сколько они помогают западным радиостанциям, узнать не удалось. Сколько удалось заметить, например Климас, много получает писем из разных стран мира, из Берлина, Лондона, Вашингтона. Из разговора выяснилось, что Климас несколько раз был в Берлине, хорошо знает и дружит с Миколасом Жилинскасом. Он все до подробностей знает о Жилинскасом подаренной нам коллекции картин. И еще одна мелочь: Д.Тринкунас и Р.Будрис, уезжая к Жилинскасу, всегда везут подарки из Вильнюса разным знакомым и родственникам в Западном Берлине. По дипломатическим паспортам таможня их не проверяет и они, даже сами не зная, могут провезти что только угодно. Там эти подарки они передают Паленкису, другим людям, а потом Климас летит в Берлин. Может здесь есть какие-то нити и с переправой подпольной печати, хотя это мало вероятно.

О других эмигрантах, как о Мерасе, Венцлове, Крашасах, Жилусе, говорилось очень мало, потому, что это уже старые вещи. Удалось только прочитать их статьи в западной литовской периодике. Очень обширное интервью было опубликовано в "Пасаулио летувис" с Крашасом. Там он очень несправедливо пишет о нашем

театре, о своей учебе, о маркизме, критике, стал стопроцентным поклонником капитала.

Венцлова стал для литовцев в эмиграции идеологом - почти в каждой газете и в журнале печатаются большие статьи, материал подобран интересно, злая критика по всем аспектам социалистического строя. На Западе он очень популярен, выбирается в разные организации, общества, как более закаленный, устойчивый борец.

Жилос в политической жизни почти не участвует, не пришлось видеть в периодике ни одной вести о его жизни. Говорили о нем тоже мало, как об очень странном человеке.

Живущие в Париже, особенно Климас, с гордостью говорили о Шекалисе. Это, по его словам, настоящий патриот. Климас показал источнику большую статью о Шекалисе, отпечатанную в "Пасаулио летувис", интервью с Шекалисом в "Акирачяй". Он с гордостью говорил о нем, как о герое. Климас и Петрошос говорили и о Скуодисе. О нем тоже постоянно печатаются большие материалы в западной периодике, особенно в "Пасаулио летувис". Но, по их мнению, Скуодис должен был остаться на свободе, так как больше бы принес пользы. "Ах, если бы больше таких людей", - не раз говорил Климас. Был разговор и о Пяткусе. Климас и его жена очень отрицательно отзывались о нашей печати, где писали о Пяткусе.

Какую конкретно деятельность намерена проводить литовская эмиграция, какие точные планы на теперешний момент и на будущее, источнику конкретно уточнить не удалось. Из одной-другой реплики, одного-другого слова выяснилось, что, кроме обработки и перепечатывания литературы, члены общества активно участвуют в антисоветских демонстрациях. Особенно активное участие в этом деле принимают Климене Либа, сестра Климаса Эгле. Они распространяют на демонстрации листовки и другой антисоветский материал.

На приезжающих из Литвы литовские эмигранты смотрят с большим недоверием, в каждом человеке они видят сотрудника КГБ. Местная печать, разговоры при собраниях все время настаивают именно на этом. И надо много усилий, чтобы они приняли более сердечно и откровенно человека в свои ряды. С другой стороны, эта откровенность весьма сомнительна. В свои сети общество ста-

рается втянуть всех новых, ей нужных людей.

Часть адресов, проживающих в Париже литовцев (Вайц-
наускаса и Криштопайтите) источник имел, поскольку с ними был
знаком до выезда. Другие адреса - Климаса и Пятрошуса источни-
ку перед выездом дал врач Вильнюсской клинической больницы Йонас
Жибуркус, отозвавшийся о них как о гостеприимных и добрых людях,
которые помогут источнику и рекомендовал обязательно предста-
виться от его имени, что и было сделано.

За все время проживания в Париже и общения с вышеупомя-
нутыми представителями литовской эмиграции, какого-либо конкрет-
ного интереса к другим лицам из числа жителей республики или
Союза проявлено не было. Они интересовались в общих чертах лишь
рядом известных в республике деятелей культуры, искусства, ли-
тературы, как Мильтинисом, Гибавичюсом, Калинаускасом, Балтуши-
сом и Межелайтисом, как они живут и чем занимаются в настоящее
время.

Конкретных предложений источнику остаться во Франции и
изменить Родине ни от одного из встречавшихся литовских эмигран-
тов не было. Не было также с их стороны и таких намёков. Хотя
многие из них интересовались у источника, как ему нравится
жизнь, люди, культура, автомобили и т.д. Задавались вопросы, не
хотел бы источник жить в Париже. Конкретно такие вопросы неодно-
кратно задавали Климас, Пятрошус, Апините.

Во время проживания в Париже и в общении с эмигрантами
источник чувствовал с их стороны постоянное внимание, идеологи-
ческую обработку. Особенно это с большой настойчивостью прояви-
ли и делали Климас, его жена Жибя и Пятрошус. Во время прожива-
ния у Климаса, каждый вечер источнику в его комнате были положи-
ны враждебные книги, журналы, газеты. Были книги "Мусу Летува",
газета "Пасаулио летувис", журнал "Акирачай". Во всех общих
беседах в основном шла политическая дискуссия. Как говорил Кли-
мас, он "чистил источнику мозги". Задавались компрометирующие
вопросы, на которые у Климаса был уже подготовленный ответ, как
вопрос о Сталине, о его репрессиях, об Афганистане. В основном,
почти всегда дискуссии кончались вопросом о независимости Литвы.
Как говорил Климас, каждому литовцу это самый большой вопрос.
В разговоре он сравнивал экономические, культурные вопросы,
всегда своими аргументами доказывая, что настоящая, богатая,

почетная жизнь существовала, когда Литва была независимая. На каждый аргумент источника о теперешней ситуации у него приготовлено несколько хорошо аргументированных ответов. Такая дискуссия делает свое дело, действительно и не желая, хочется поинтересоваться историей, прошлым, почитать "запрещенную" изысканную из обращения литературу.

Источник убедился, что, уезжая в похожую страну, предвидя встречи с эмигрантами похожего плана, надо хорошо подготовиться. Главное, до мелочи знать историю страны, прочитать старые исторические книги, журналы, чтобы все исторические вопросы не были новыми. В похожих дискуссиях история страны является основной. Теперешней, советской истории там не признают, поэтому надо знать и разбираться в старых книгах.

Обобщая вышеизложенное источник подчеркивает, что несмотря на идеологические разногласия в убеждениях, с вышеупомянутыми лицами сложились хорошие отношения и ради общего дела источник имеет возможность в дальнейшем поддерживать контакты.

Справка: Сообщение получено в порядке отчета агента после поездки во Францию, куда он выезжал по частному каналу с 27 октября по 16 декабря 1981 года.

Перед поездкой во Францию письменное задание агенту не давалось ввиду отсутствия у него связей, представлявших оперативный интерес для органов КГБ. Источник был тщательно проинструктирован о поведении в период пребывания за рубежом, ему были даны рекомендации по расширению контактов среди литовских эмигрантов.

Конкретное задание источнику будет обработано позже, с учетом интересов и предложений заинтересованных подразделений Комитета.

Мероприятия: Установить упомянутых в сообщении лиц, проверить их по учетам КГБ-МВД и ИАО, а иностранцев также в 15 Отделе КГБ КГБ СССР.

Копии сообщения в качестве информации направить во 2 Отдел 5 Управления КГБ СССР, 1 Отдел, 1 и 2 Отделы 2 Управления, 2 Отдел 5 Службы и ИАО КГБ Литовской ССР.

Начальник 1 отд-я 1 Отдела
5 Службы КГБ Литовской ССР
подполковник

С. Синявичюс

/ см. на обороте /

268 dv

2 отделу служб, совместно с I Отделом Служб надо подумать, как реализовать этот материал и наметить дальнейшие мероприятия по выявлению враждебных устремлений Климаса и других.

В 5 Управление КГБ СССР выслать не сообщение, а дать обобщенный более короткий документ, отразив главные существенные моменты. В отношении КИМ выписку прощу сделать для 3 Отдела Служб.

Гальтинас
25.02.82г.

Тов. Гальтинас Э.В.

Пр. внимательно изучить кто за последние годн общался с Климасом и др. такого рода людьми.

Учесть то, что эти люди получили большую дозу отравы и как она повлияла на них нам следует ответить.

Ряд лиц представляет нашего внимания и особенно Бачкис. Его следует взять в изучение в плане получения информации па Ватикану или проведения нужной нам линии, а также - передачи дезинформации.

Определить дальнейшие пути использования агента.

Всем нам следует сделать вывод, что внезапно появившаяся агентура за границу должна быть очень и очень хорошо подготовлена. Из сообщения агента можно выбрать основные моменты, которые должны лечь в основу идеологической подготовки агента.

Багаускас
26.02.82г.

Отп. 4 экз.

- 1 - подлинник
  - 2 - 2 Отдел 5 Управления КГБ СССР
  - 3 - 1 Отдел КГБ Лит.ССР
  - 4 - 1 Отдел 2 Управления КГБ ЛССР
  - 5 - 2 Отдел 2 Управления КГБ ЛССР
- исп. Синкявичус
печ. Синдикене
10.02.82г.

№ 5/I-295

КГБ Лит.ССР
10.02.82
№ 934
3.03.1982

Учетный №	74	Ж. Ф-15)
Наряд №	45	15. 1982
Дополнительно	5	185
Экз.	15	1982
Листах	1	1982

А.В.Бах